

Моей матери и отцу, которые обратили мой взор к космосу.

*Тысячам мужчин и женщин программы Space Shuttle,
которые отправили меня в космос.*

*Донне, которая была рядом со мной
на каждом шагу этого пути*

Mike Mullane

RIDING ROCKETS

The Outrageous Tales
of a Space Shuttle Astronaut

SCRIBNER

New York London Toronto Sydney

Майк Маллейн

ВЕРХОМ НА РАКЕТЕ

Возмутительные истории
астронавта шаттла

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2017

УДК 82-94:629.7
ББК 84(7)-442.3:39.68
М19

Переводчик Игорь Лисов
Редактор Роза Пискотина

Маллейн М.

М19 Верхом на ракете. Возмутительные истории астронавта шаттла / Майк Маллейн ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 588 с.

ISBN 978-5-91671-691-7

Воспоминания американского астронавта Майкла Маллейна посвящены одной из наиболее ярких и драматичных страниц покорения космоса — программе многоразовых полетов Space Shuttle. Опередившая время и не использованная даже на четверть своих возможностей система оказалась и самым опасным среди всех пилотируемых средств в истории космонавтики. За 30 лет было совершено 135 полетов. Два корабля из пяти построенных погибли, унеся 14 жизней. Как такое могло случиться? Почему великие научно-технические достижения несли не только победы, но и поражения? Маллейн подробно описывает период подготовки и первое десятилетие эксплуатации шаттлов. Мы узнаем о том, как выбирают и готовят экипажи, чем живут и дышат покорители космоса, о тайных пружинах и непростительных ошибках бюрократии, об умонастроениях простых американцев и противостоянии великих держав. Эту искреннюю книгу, часто грубоватую и совершенно неполиткорректную, без преувеличения можно назвать портретом эпохи.

УДК 82-94:629.7
ББК 84(7)-442.3:39.68

**Редакция благодарит за помощь в подготовке книги
Леона Розенблюма**

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-691-7 (рус.)
ISBN 978-0-7432-7982-5 (англ.)

© Mike Mullane, 2006
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

Оглавление

Предисловие переводчика	7
Благодарность.....	11
Глава 1. Кишки и мозги	13
Глава 2. Приключения	22
Глава 3. Полиомиелит	29
Глава 4. Русский спутник	38
Глава 5. Отбор	46
Глава 6. Система Space Shuttle.....	57
Глава 7. Замедленное развитие	66
Глава 8. Добро пожаловать!	78
Глава 9. Телки и пьянки	89
Глава 10. Храмы истории	97
Глава 11. Новички хреновы	103
Глава 12. Скорость	112
Глава 13. Обучение	120
Глава 14. Искусство публичных выступлений	133
Глава 15. «Колумбия»	146
Глава 16. Иерархия	163
Глава 17. Основной экипаж	180
Глава 18. Донна	206
Глава 19. Прерванный запуск.....	229
Глава 20. Отсечка маршевых двигателей	256
Глава 21. На орбите.....	268
Глава 22. Возвращение в Америку.....	293

Глава 23. «Крылышки» астронавта	298
Глава 24. Астронавты по совместительству	310
Глава 25. Золотой век	327
Глава 26. «Челленджер»	347
Глава 27. Дворцовые интриги	364
Глава 28. В падении	380
Глава 29. Перемены	391
Глава 30. Назначение в полет	399
Глава 31. Низвержение бога	407
Глава 32. Свинский экипаж	413
Глава 33. Секретная работа	424
Глава 34. «Перед смертью не надышишься»	435
Глава 35. Верхом на метеоре	441
Глава 36. Кристи и Аннетт	450
Глава 37. Вдовы	459
Глава 38. «У меня нет планов дальше МЕСО».....	472
Глава 39. За девять минут до старта	486
Глава 40. Последние витки	507
Глава 41. Белый дом	517
Глава 42. Конец пути.....	524
Эпилог	535
Глоссарий	553
Дополнительные примечания переводчика	565

Предисловие переводчика

Воспоминания американского астронавта Майкла Маллейна стоят особняком среди книг этого жанра. Людей, летавших в космос, насчитывается немногим более 500; мемуары оставили, пожалуй, не менее сотни из них. Есть книги откровенно лакировочные и достаточно правдивые, захватывающие и проходные. Разные судьбы — разные послания потомкам. Юрий Гагарин — первый человек в космосе, символ своей страны и эпохи. Константин Феоктистов, который проектировал космические корабли и испытывал их. Георгий Гречко, технарь и умница с широчайшим кругом интересов. Джеймс Ловелл и Майкл Коллинз — участники сложнейших экспедиций на Луну. Дик Слейтон, отбравший экипажи для кораблей «Джемини» и «Аполлон» и назначивший себя в последний из них. Крис Хэдфилд — человек уже нашего времени, «простой канадский парень, который решил стать астронавтом и стал им».

Майкл Маллейн из тех, для кого лунные экспедиции на «Аполлонах» и первая американская орбитальная станция «Скайлэб» были уже фактом истории: 35 новичков набора 1978 года готовили к полетам на многоразовой системе Space Shuttle. Эти люди, с которыми автор осваивал ремесло астронавта, стали для него самыми близкими, и автобиографию Маллейна отчасти можно считать и историей «тридцати пяти».

Опередившая свое время и не использованная и на четверть своих возможностей, система Space Shuttle была в то же время самым опасным среди всех пилотируемых средств в исто-

рии космонавтики. За 30 лет было совершено 135 полетов. Два красивых и умных орбитальных корабля из пяти построенных погибли, унеся с собой жизни 13 американцев и одного израильтянина.

Космонавтика для автора — это не праздник каждый день, а повседневная тяжелая работа в сложной иерархической структуре, это счастливый билет назначения в летный экипаж и страх не вернуться из полета на шаттле живым. Страх совершенно реальный, не продиктованный запросами издателей для лучшей продаваемости книги, но основанный на знании того факта, что на шаттле нет системы аварийного спасения и что на самых опасных этапах полета от знаний и усилий астронавтов практически ничего не зависит.

Маллейн подробно описывает период подготовки и первое десятилетие эксплуатации системы, которое в отечественных средствах массовой информации освещалось почти исключительно в интересах пропаганды, так что реальные цели полетов шаттлов, достижения и ошибки на этом пути оставались практически неизвестными советскому читателю и зрителю. Этим обусловлено значительное количество примечаний, многие из которых поясняют детали истории программы, хорошо известные американской аудитории.

Еще меньше мы знали о человеческой стороне программы: как стать астронавтом, как выбирают и готовят экипажи, чем живут и дышат американские «покорители космоса», когда и почему люди уходят из отряда, чем они занимаются после завершения космической карьеры. Короткое «окно» времени взаимных симпатий и связей в годы проекта «Аполлон» — «Союз» закрылось, американских астронавтов вновь стали рассматривать как представителей геополитического противника.

Да, «Верхом на ракете» — это еще и портрет эпохи. Отец Майкла был офицером ВВС США, и сам Маллейн, выполняя разведывательные полеты над Вьетнамом и в Европе, вдоль границ Западного и Восточного блока, был готов в любую минуту вступить в бой с «проклятыми коммунистами». Вос-

питанная с детства ненависть к СССР, характерная и для автора, и для многих его коллег по отряду астронавтов, зачастую выплескивается на страницы книги, а цинизм американских офицеров временами вызывает оторопь. Странно осознавать, что в 1995 году, всего через несколько лет после описываемых событий, командир и кумир Маллейна Хут Гибсон «наступит на горло собственной песне» и приведет первый шаттл на российскую орбитальную станцию «Мир».

Маллейн повествует о космической технике, о подготовке к полету, о трех путешествиях на орбиту в стиле «окопной правды», используя не академический лексикон, а соленый язык казармы. Политкорректностью тут и не пахнет — достается и религии, и женщинам. Некоторые выражения мы вынуждены были смягчить, чтобы остаться в рамках закона.

В книге встречается большое количество сокращений англоязычных технических терминов и наименований космических организаций, которые в американской космической программе общеупотребительны. Большинство из них сведены автором в отдельный глоссарий в конце книги и с некоторыми уточнениями могут использоваться, в частности, для поиска более подробного описания соответствующих объектов в англоязычной литературе. Часть аббревиатур при переводе заменена полным или сокращенным названием или употребительным русским сокращением с тем же значением, часть — неологизмами типа *аскан*, *эмэс* и *капком*, однако отказаться полностью от англоязычных сокращений оказалось невозможно. Для удобства читателей их расшифровка дается при первом использовании автором и повторяется в ряде случаев при повторном. Примечания переводчика, необходимые для понимания текста, даны в постраничных сносках, более подробные комментарии для энтузиастов и знатоков космоса можно найти в конце книги.

Мой друг и коллега Леон Розенблюм ранее перевел по личной инициативе некоторые фрагменты этой книги и любезно разрешил использовать их в предлагаемом читателю тексте.

(Упомянутые фрагменты, будучи опубликованными на личной странице Леона в социальной сети, привлекли к книге Маллейна внимание широкого круга энтузиастов космонавтики, а в конечном итоге — и издателя.) Он также просмотрел готовый перевод и сделал ряд ценных замечаний.

Игорь Лисов

Благодарность

Моя первая и самая большая благодарность — моей жене Донне за ее терпение, любовь и поддержку во время написания этой книги. Мои дети Патрик, Эми и Лаура также помогали мне с энтузиазмом. Спасибо!

Я глубоко признателен моему агенту Фейт Хэмлин из Sanford J. Greenburger Associates, которая убедила написать историю моей жизни. Спасибо, Фейт, за поддержку и энтузиазм в продвижении рукописи «Верхом на ракете».

Редактор Брэнт Рамбл в издательстве Scribner вложил свои исключительные таланты в мою историю, и я перед ним в долгу. Он не только помогал мне оттачивать литературное мастерство, но и больше всех болел за меня в течение всего издательского процесса. Сердечно благодарю остальных членов замечательной команды Scribner, которые вложили свой труд в доведение моей истории до печати.

Сменный руководитель полета из Космического центра Джонсона Джей Грин был первым, кто прочел рукопись, и я благодарен ему за советы. Спасибо также астронавту Роберту Гибсону по прозвищу Хут, астронавтам Рей Седдон, Майклу Коутсу, Пьеру Туоту и Дейлу Гарднеру, которые нашли в своем жестком графике время на вычитку текста. Принося им благодарность, я не имею в виду, что эти взыскательные читатели были согласны со всем написанным. Один из них считал, что я слишком жестко отозвался о «политических» астронавтах. Второй счел недостаточной мою критику в адрес неко-

торых руководящих деятелей NASA*. Я признателен за все высказанные мнения, но не изменял себе в угоду им. «Верхом на ракете» — это моя история, написанная так, как помню ее я.

Многие разговоры, которые я привожу в книге, имели место десятилетия назад. Поэтому заковыченные цитаты не следует воспринимать дословно: так эти беседы запомнились мне.

* Национальное управление по авиации и космосу — гражданское аэрокосмическое ведомство США, созданное в 1958 г. (Здесь и далее, если не указано иначе, примечания переводчика.)

ГЛАВА 1

КИШКИ И МОЗГИ

Я лежал голым на боку на столе в ванной комнате Клиники летной медицины NASA и засовывал наконечник клизмы себе в задний проход. «Вот так и начинается процесс отбора астронавтов», — думал я. Было 25 октября 1977 года. Я был одним примерно из 20 мужчин и женщин, проходящих трехдневную программу медицинских обследований и личных интервью в процессе отбора кандидатов в астронавты. Почти за год до этого NASA объявило, что начинает принимать заявления от желающих попасть в первую группу астронавтов для полетов на шаттлах. Откликнулось 8000 человек¹. Агентство свело всю эту кипу резюме примерно к двум сотням, и я каким-то удивительным образом попал в их число. В последующие недели все мы, каждый из 200, должны были оказаться на этой каталке и предоставить свой «нижний этаж» для испытаний — мы готовились к исследованию кишечника.

Мы слышали, что NASA намерено выбрать из нашей группы примерно 30 человек, которые будут летать на шаттлах². Шансов, что я окажусь среди этих избранных, было немного. Не потому, что я не подходил, — по всем необходимым пунктам требований стояли галочки. Будучи выпускником Вест-Пойнта, который заключил контракт с ВВС США, я не мог быть пилотом — из-за недостаточно хорошего зрения. Но я налетал около 1500 часов на заднем кресле самолета RF-4C, представлявшего собой разведывательный вариант F-4 Phantom. Как Гусь

из фильма «Лучший стрелок», я был парнем из заднего ряда. За 10 лет я участвовал в 134 боевых вылетах во Вьетнаме, получил магистерскую степень авиационного инженера и прошел курс летного инженера-испытателя в Школе летчиков-испытателей ВВС США. Я определенно соответствовал требованиям, но столь же подходящими выглядели и несколько сотен других претендентов. Вокруг было слишком много выдающихся военных летчиков, чтобы мне удалось обмануть себя. Пусть я и «парень что надо»*, но рядом легионы других, у которых нужных качеств в избытке, — пилоты, по сравнению с которыми Алан Шепард и Джон Гленн** выглядели слабаками.

Да, шансов было немного, но я намеревался сделать максимум возможного. В данный момент этот максимум означал точное попадание туда, куда никогда не заглядывает солнце: я готовился к первой в своей жизни ректоскопии.

Как раз перед тем, как зайти в ванную комнату, я услышал, как один из гражданских претендентов жаловался, что провалил обследование. При слове «провалил» мои уши встали торчком. Оказалось, что он поленился тщательно провести очищение кишечника и получил назначение на повторную процедуру на завтра.

«Не подготовился к ректоскопии». Я представил себе эти слова, написанные большими красными буквами на его медицинской карте. Кто их прочтет? Будет ли это учитываться в процессе отбора? Когда комиссия должна выбрать из семи человек одного и каждый из нас — супермен или чудо-женщина, нельзя допустить, чтобы о тебе сказали «не справился» или «не выдержал», даже если речь идет о таком безобидном деле, как очищение кишечника. Моя паранойя в этом вопросе подпитывалась смертельным страхом, который всякий военный летчик испытывает перед летным врачом. Когда стетоскоп приближа-

* «Парни что надо!» (англ. The Right Stuff) — фильм 1983 г., снятый по одноименной книге Тома Вулфа о первых американских астронавтах.

** Астронавты первого набора (1959 г.), совершившие первый суборбитальный и первый в США орбитальный космический полет.

ется к твоей груди, когда скачет стрелка на манометре, ты чувствуешь, что вся твоя карьера под угрозой. Малейший сбой — и «крылышки» летчика придется положить на стол. Военные пилоты предвкушали медицинское обследование примерно с такими же чувствами, с какими ожидали бы возгорания двигателя в полете. Мы не желали видеть пометку «не прошел» на любом документе, исходящем из кабинета летного врача. Я знал пилотов, которые предпочитали в случае заболевания посетить втайне гражданского врача за пределами авиабазы, но ни в коем случае не привлекать внимания летного врача. Конечно, это было строго запрещено, но главное было не попадаться. Той же логики я придерживался, когда летел в Хьюстон*, чтобы принять участие в обследовании. Врачи NASA в своей потрясающей наивности попросили нас привезти медицинские карты со своих авиабаз лично — это было все равно что доверить политику урну с избирательными бюллетенями. Пока самолет оставлял позади милю за милей, я выдирал из медицинской карты страницы, способные, как мне казалось, вызвать вопросы, на которые я не хотел бы отвечать. В частности, я избавился от упоминаний о серьезной травме шеи, полученной годом раньше при катапультировании из кабины истребителя-бомбардировщика F-111. Во время этого инцидента мою голову в тяжелом шлеме дернуло так, словно она находилась на кончике кнута, которым щелкнул ковбой. Я получил сильное растяжение шеи. После того как я неделю носил шейный корсет, врачи на авиабазе Эглин согласились вернуть мне допуск к полетам, но я не был уверен, что медики NASA спокойно отнесутся к травме шеи. Она определенно не будет доводом в мою пользу: такое повреждение с непредсказуемыми последствиями вполне может заставить их поставить штамп «не годен» на моем заявлении. Надо думать, у остальных 199 претендентов в истории болезни не было такой неприятности, как травма шеи, и я не желал рисковать. Поэтому я изба-

* В Хьюстоне находится Космический центр имени Джонсона (Johnson Space Center, JSC) — головная организация NASA по пилотируемым программам.

вился от крамольных страниц, обещая себе вернуть их на место на обратном пути. У меня был единственный призрачный шанс стать астронавтом, и меня не могла остановить такая ерунда, как противозаконное деяние. Я подделал официальные документы и, как и бесчисленное количество летчиков до меня, надеялся не попасться.

Да, я намеревался сделать все, чтобы пройти отбор в астронавты. Я вставил наконечник клизмы и сжал грушу. Я желал, чтобы проктолог NASA, который заглянет мне в задний проход, увидел столь ослепительное сияние, что ему придется попросить медсестру принести солнечные очки.

«Сдерживайтесь пять минут» — гласила инструкция. Ну вот уж фиг, думал я. Этот раззява-штатский, который не смог очистить кишечник, наверно, исторг его содержимое при первом же позыве. Нет уж, я вынесу 15 минут! Я буду держать все в себе до тех пор, пока оно не полезет через пищевод! Я сжал сфинктер, стиснул зубы и терпел сокращение за сокращением, пока не почувствовал, что вот-вот отключусь. Наконец я опорожнил толстую кишку и повторил процесс.

«Не повторяйте более двух раз» — гласила инструкция. Ага, как же. На кону стояло звание астронавта, и даже если бы меня предупреждали: «Не повторяйте этого более двух раз, иначе может наступить смерть», я бы не обратил на это никакого внимания. Я влил в себя третью клизму, а затем и четвертую. Последняя порция жидкости была чиста, как джин.

Я выходил из кабинета проктолога с видом первоклассника, получившего пятерку с плюсом за домашнюю работу. Он несколько раз повторил, что еще ни разу не видел столь идеально подготовленной прямой кишки. А то, что две недели после этого мне не удавалось покакать, — такую цену я был готов заплатить. (И кстати, тот гражданский, что не смог подготовить кишечник, отбор не прошел³.)

Следующим пунктом была беседа с психиатром NASA, и она меня беспокоила. Ни разу в своей жизни мне не приходилось встречаться с мозгоправами. Есть ли у них критерий «годен-

не годеи? Я считал себя психически уравновешенным человеком. (Странная самооценка, если вспомнить, что я только что установил мировой рекорд по продолжительности клизмы в параноидальном стремлении обеспечить себе работу.) Но как психиатр оценивает психическое состояние? Будет ли он наблюдать за «языком тела»? Может ли означать что-то моргнувший глаз, пульсирующая вена на шее или капля пота? Что-то плохое? От отчаяния я стал вспоминать, что было написано об обследовании психики первых астронавтов в книге «Оседлавшие огонь»*. Все, что мне удалось вспомнить, — это как им дали пустой лист бумаги и попросили «интерпретировать» увиденное и один из астронавтов сказал, что видит на рисунке полярных медведей, занимающихся сексом на белом снегу. Был ли такой юмор уместен? Понятия не имею. Я летел на автопилоте.

Я с удивлением обнаружил (и испугался от этого еще сильнее), что мне предстоит психиатрическое обследование у двух разных врачей, каждое продолжительностью примерно по часу. Я пошел на прием к первому. Доктор встал из-за стола и представился, слабо пожав мою руку своей влажной ладонью. Не успев провести в кабинете и 50 секунд, я уже был в панике. Было ли это пожатие неким тестом? Если я отвечу столь же слабо, не будет ли это означать, что у меня какие-то скрытые сексуальные проблемы? Я решил ответить крепким пожатием — не пытаться сломать доктору кисть, но ответить твердо. Я наблюдал за его лицом, но оно оставалось непроницаемым — я не мог ничего понять. С тем же успехом я мог бы пожать руку Магистру Йоде. У него был тихий голос, настолько тихий, что я заподозрил в этом скрытую проверку слуха. Он кивнул на стул. Слава богу, это была не кушетка; она бы меня окончательно dokonала.

У него были наготове планшет и карандаш. Я сглотнул и стал ждать какого-нибудь фрейдистского вопроса вроде «сколько

* Carrying the Fire (англ.) — автобиографическая книга Майкла Коллинза, участника первой лунной экспедиции на «Аполлоне-11».

раз в неделю вы мастурбируете?» Но вместо этого он сказал: «Пожалуйста, вычитайте по семь, начиная со 100, так быстро, как только можете». Я услышал, как щелкнула кнопка секундомера и затикали секунды. Одна... вторая... третья... Мои шансы стать астронавтом утекали вместе с этими секундами! Только мой опыт салаги-новобранца в Вест-Пойнте, когда я научился немедленно подчиняться и выполнять приказ, позволил мне среагировать молниеносно. Если ему нужно, чтобы я вычитал семерки, начиная со 100, то я должен это делать. По крайней мере это лучше, чем отвечать на вопрос о мастурбации. Я начал считать: 100, 93, 86, 79, 72... Тут я ошибся на единицу или две, попытался вернуться и начать с последнего правильного числа, споткнулся опять и завис в шестом десятке, невнятно бормоча цифры. Наконец я остановился и произнес: «Кажется, я сбился». Эти слова были отмечены щелчком секундомера, который в тишине прозвучал подобно выстрелу. Может, оно было бы и лучше, подумал я. Я мертвец — по крайней мере мои шансы стать астронавтом получили смертельный удар. Я провалил испытание, которое явно было тестом на быстроту реакции и сообразительность.

«Псих» ничего не сказал. Повисло долгое молчание, и все, что я слышал, — как карандаш скрипит по бумаге. У меня был самый чистый кишечник в мире, но запор случился в моем мозгу. Именно из-за этого я провалил испытание. Я был уверен: именно это слово — «провалил» — будет выведено рукой психиатра. Понятно, что остальные 199 претендентов пройдут проверку с легкостью. Наверно, они смогут добраться до последних чисел — 23... 16... 9... 2... — за несколько мгновений, после чего спросят психиатра, не надо ли повторить задание, да еще извлекая попутно квадратные корни. Я был уверен, что человек напротив думал: «Кто пустил сюда этого парня?»

Терять было нечего, и в безнадежной попытке прервать сводящее с ума молчание я пошутил: «Зато я силен в обратном счете по единице».

Он даже не улыбнулся. «В этом нет необходимости». Ледяной тон подтвердил мои ощущения: я провалился.

После теста с семерками док поднял свой карандаш и спросил: «Допустим, вы умерли, но можете воскреснуть в любом виде. Что вы выберете?»

Моя паника усилилась. К чему этот вопрос? На какое минное поле моей души он меня гонит? Я начал жалеть, что он не спрашивает про мастурбацию.

На этот раз секундомер не тикал, и я решил немного подумать. Что выбрать? Значит ли это, что я могу возродиться другим человеком? Алан Шепард? Вот, казалось бы, неплохой ответ. Но тут мне пришло в голову, что Шепард, как и все летчики-испытатели, ненавидит мозгоправов. Может, это он нахально предположил, что на белом листе прелюбодействуют белые медведи? Я не мог этого вспомнить и решил не рисковать. Лучше я не буду озвучивать желание возродиться в виде героя-астронавта, которого психотерапевты могут не любить за пренебрежение к их профессии.

Я попросил пояснений. «Когда вы предлагаете выбрать что-то, вы имеете в виду другого человека, объект или животное?»

Он лишь пожал плечами, и язык тела ответил мне: «Я не собираюсь подсказывать». Он явно хотел, чтобы я наступил на одну из психических мин сам.

Я прокрутил в голове идею ответа, что хочу вернуться как Уилбур Райт, или Роберт Годдард, или Чак Йегер, или еще какой-нибудь пионер авиации и ракетной техники. Возможно, это станет сигналом, что быть астронавтом — моя судьба. И вновь мой внутренний голос шепнул, что это неразумно. А вдруг желание такой реинкарнации проявит меня как мегаломаньяка, ищущего славы?

И тут меня осенило: «Я бы хотел родиться вновь... орлом». Это был великолепный ответ. Он явным образом передавал мое желание летать, но не позволял доктору залезть глубже в мои синапсы. (Позднее я услышал от одного из претендентов,

что тот боролся с искушением ответить на вопрос, что хотел бы возродиться в виде велосипедного седла Шерил Тигс*. Было бы интересно, как «псих» среагировал бы на это.)

Мой ответ про орла был принят новым скрипом карандаша.

Следующий вопрос был явной попыткой заставить меня дать себе оценку.

— Скажите мне, Майк, если вы умрете прямо сейчас, что напишут ваши близкие на могильной плите?

«Ничего себе! Предполагается, что это так просто?» — подумал я и, основательно поразмышляв, ответил:

Думаю, там будет написано: «Любимому мужу и прекрасному отцу».

Я был уверен, что заработал на этом несколько очков. Разве можно представить себе более удачный ответ, чтобы показать, что семья для меня — прежде всего, что у меня правильные приоритеты? На самом деле я бы продал жену и детей в рабство, если бы это позволило подняться в космос, но решил, что сей факт лучше не афишировать.

— В чем, по-вашему, ваша уникальность?

Я хотел, конечно, ответить: «Я могу держать клизму 15 минут», но вместо этого сказал: «За что бы я ни брался, делаю все, что в моих силах». По крайней мере, это была правда.

Разговор с «психом № 1» продолжался. Он спросил, правша я или левша (я правша) и какой церкви принадлежу (католик). Он также поинтересовался, каким по счету ребенком я был в семье (вторым из шести детей). Услышав ответы, он долго что-то писал. Позже я узнал, что несоразмерное число астронавтов (и других выдающихся людей) — первые дети в семье и леворукие протестанты. Возможно, из-за того, что я не входил ни в одну из этих групп, мне и не давался обратный счет семерками.

В конце концов он передал меня «психу № 2». Опустив плечи, я вошел в новый кабинет, убежденный, что моя судьба

* Знаменитая американская модель, которой в момент описываемых событий было 30 лет.

астронавта зависит от того, что запишет в отчет Йода: «Претендент Маллейн не способен к обратному счету семерками».

«Псих № 2» в системе «хороший полицейский — плохой полицейский» оказался «хорошим». Доктор Терри Макгуайр приветствовал меня энергичным рукопожатием и широкой улыбкой. Такую улыбку мне приходилось видеть у торговцев подержанными автомобилями. Я поискал на руке Макгуайра кольцо с брильянтом, но не обнаружил.

Д-р Макгуайр был открыт и разговорчив, и в его руках не было карандаша и планшета: «Входите. В ногах правды нет. Садитесь». Опять стул, слава богу. Все в его голосе и манерах говорило: «Я приношу извинения за придурка, с которым вам пришлось иметь дело. У него замашки хиропрактика, но я другой, я здесь для того, чтобы помочь вам». И точно так же, как в офисе продаж автомобилей, я был уверен в том, что все это спектакль. Разница была в том, что он нацеливался не на мой кошелек, он хотел заполучить мою душу. Он хотел узнать, от чего я буду дергаться, и, подобно капитану Кирку* при виде боевого крейсера клингонов, я дал себе команду «Поднять щиты!». Может быть, мои шансы стать астронавтом близки к нулю, но я буду делать все, что в моих силах, пока не получу письмо с отказом.

После короткого обмена репликами о погоде и о том, как проходит обследование (отлично, солгал я), хороший доктор наконец начал атаку на те самые мои «щиты». Он задал всего один вопрос:

— Майк, почему вы хотите стать астронавтом?

Я понимал, что рано или поздно они зададут мне этот вопрос, и был готов к нему:

— Я люблю летать, а полеты в космос могут стать самым потрясающим опытом такого рода. — Потом я решил добавить еще какую-нибудь фигню насчет того, что мною движет любовь к стране: — Я также полагаю, что смогу наилучшим

* Персонаж фантастического сериала «Звездный путь» (Star Trek).

образом послужить ВВС США и самим Соединенным Штатам Америки в качестве астронавта.

«Похоже, точное попадание», — подумал я. Большого я мог бы добиться, разве что притащив с собой Дион Уорвик*, чтобы та спела национальный гимн.

Но я ошибался. Мяч не попал в корзину. Мне не удалось поразить д-ра Макгуайра своим заранее отрепетированным броском. Он посмотрел на меня с довольной ухмылкой и ответил: «Майк, по большому счету все мы мотивированы событиями, которые произошли с нами в юности. Расскажите мне о вашем детстве, о семье».

О господи, как же я ненавидел такие вопросы.

ГЛАВА 2

Приключения

Я родился через неделю после окончания Второй мировой войны, 10 сентября 1945 года, в городе Уичито-Фолс в Техасе. Первое, что сказал мой дед, увидев меня: «Как он похож на обезьянку». У меня была копна лохматых черных волос и совсем как у шимпанзе оттопыренные уши, по размеру подходящие взрослому человеку. Все мое раннее детство мама пыталась бороться с этим дефектом. Перед сном она приматывала мне клейкой лентой две картонки по бокам головы, надеясь, что уши прирастут обратно. Но это был дохлый номер. Где-то среди ночи природа одерживала верх над скотчем, и мои уши вновь торчали, как воздушные тормоза реактивного самолета.

Как я и сказал «психу № 1», я был вторым ребенком в католической семье, а в конечном итоге нас стало шесть — пять мальчиков и одна девочка. Когда я родился, отец служил борт-

* Американская певица, актриса и ведущая телешоу.

инженером на бомбардировщиках В-17 на Тихом океане, поэтому придумывать мне имя пришлось матери. Она выбрала имя Ричард. Покинув утробу всего несколько часов назад, я уже был пожизненно отягощен ушами, как у барашка, и погонялом Дик*. Неудивительно, что, когда отец вернулся, он начал называть меня вторым именем — Майк. Подозреваю, что он думал примерно так: «О господи, пусть ребенку будет хоть немного легче».

Хотя война закончилась, отец продолжал служить. Мои первые воспоминания связаны с воскресными визитами на стоянку авиабазы, где я сидел в кабинах С-124, С-97, С-47 и других военно-транспортных самолетов, а отец разрешал мне браться за рычаги управления и «рулить» запаркованными монстрами. Он также брал меня с собой в штаб базы, куда слетались экипажи со всех концов мира. Летчики дарили мне серебряные «крылышки» прямо с мундира, ярко окрашенные ленты медалей и странные монеты из дальних стран. В моих глазах все они были настоящими героями — куда там Голливуду!

Отец был ирландцем из Нью-Йорка, он родился и вырос на Манхэттене. У него всегда была про запас масса удивительных, красочных, преувеличенных, а то и просто придуманных историй. Несомненно, его благоговейное отношение к полетам стало для меня источником вдохновения. Каждый вылет он представлял как великое приключение, и в особенности это касалось его летного опыта на Тихоокеанском театре Второй мировой войны.

Он рассказывал об атаках Чарли по прозвищу Стиральная Машина — японского пилота, который не давал американцам отдохнуть, пролетая ночью над их филиппинской базой на древнем биплане и сбрасывая жестяные банки из-под пива. Свист воздуха над отверстием банки напоминал звук падаю-

* Дик — уменьшительная версия имени Ричард, при этом слово *dic*k среди своих значений имеет достаточно неместные употребления, такие как «сыщик» или «половой член».

щей бомбы, и всем приходилось выпрыгивать из коек и прятаться в укрытии.

«Мы называли его “Стиральная Машина Чарли”, мальчики, потому что двигатель у этого чертова япошки (японцы у моего отца всегда были чертовы) барахлил невообразимо. Я уверен, что он специально настраивал его неправильно, чтобы тот выдавал перебои и хлопки и мешал нам спать. Звук от него был, как от умирающей стиральной машины». После этого отец делал глуповатое лицо Реда Скелтона*, сжимал губы и издавал череду неприличных звуков, чтобы продемонстрировать эту надоедливую машину. Мы с братьями смеялись без остановки и просили, чтобы он «изобразил Стиральную Машину Чарли» еще раз.

Под раскаты грома мы отправлялись в другой полет: «Однажды из-за нашего чертова штурмана (как и японцы, штурманы всегда были чертовы) мы заблудились в грозу. Молния ударила в наш самолет. Я чувствовал, как она ползет по моему телу. Волосы на моей голове вспыхнули, и поэтому у меня сегодня их нет. Пломбы в зубах раскалились, и, коснувшись их языком, я обжег его».

Бывало еще, что он кружил по комнате, расставив руки в стороны и рассказывая, как альбатросы садились на крылья бомбардировщика В-17, чтобы «прокатиться» во время разбега. Затем птицы расправляли собственные гигантские крылья и взлетали, используя давление набегающего потока воздуха.

Подозреваю, что мой отец, летавший уже в конце войны, никогда не видел ни одного японского боевого самолета, но из его рассказов узнать об этом было нельзя. Он повествовал, как его сбили над островом и он опустился на парашюте в джунгли. С товарищами по экипажу они присоединились к туземцам, борцам за свободу, и пробились к побережью, где их приняла на борт американская подводная лодка. Я знаю

* Знаменитый американский комик.

теперь, что ничего подобного не было, но его красочные байки заронили семя в мою душу. Я хотел пережить такие же приключения сам. Я хотел летать.

Раз в год или два отца переводили на новую авиабазу, и мы, как племя бедуинов, собирали пожитки и отправлялись к новым горизонтам, а почтовый ящик Хью Маллейна обретал новое место в Канзасе, Джорджии, Флориде, Техасе, Миссисипи или на Гавайях. Я предвкушал каждый переезд и не мог дожждаться, когда наш автофургон двинется в путь навстречу новым приключениям. Укутанные в одеяло на заднем сиденье машины, как куклы в корзине, мы с братьями засыпали под ритмичное шуршание шин по дорожному покрытию. Наши сердца трепетали, предвкушая неизвестность. Иногда я просыпался среди ночи и вдыхал незнакомые ароматы или смотрел на вспышки далеких молний. Днем мы останавливались у обветшавших вывесок фруктовых лавок и покупали целые корзины холодной как лед черешни. Мы заезжали на заправки с вывеской «Последний бензин на 100 миль вперед». Я смотрел, как отец заполнял водой парусиновый мешок и подвешивал над капотом нашего разукрашенного подобно голове индейца «понтиака». От мысли, что на дороге ничего не будет еще 100 миль, у меня кружилась голова. Лишь позже я узнал, что заправки располагались на расстоянии 20 миль друг от друга и на каждой из них красовалась такая надпись. Впрочем, в моем возрасте было все равно — что 20 миль, что 100. Я наклонялся вперед и смотрел через плечо отца на горизонт столь чистый, что он казался нарисованным тонкой-тонкой кистью. Я видел, как бетон дороги сияет перед нами миражом, как крутятся пылевые дьяволы*, как иссиня-черные, готовые вот-вот пролиться грозовые тучи движутся на ходулях молний. И нескончаемо пели свою песню колеса, увозя меня в пустоту.

* Небольшие вихри, перемещающиеся по пустыне и видимые с большого расстояния.

Другим источником приключений были семейные путешествия в дикие уголки Запада. Отчего мой отец-ньюйоркец так любил выезды на природу, осталось для меня тайной. Наверное, дело было именно в том, что он так долго прожил в асфальтовых джунглях. Еще больше одержима природой была мама. Она точно родилась с опозданием на 100 лет. Могу с легкостью вообразить, как она отправляется с караваном фургонов из Индепенденса* в штате Миссури на запад, в Орегон. Уже будучи 75-летней вдовой, она проехала вместе с подругой такого же возраста на машине из Альбукерке до Аляски, и меня удивило лишь то, что она не пошла туда пешком. Ей чаще приходилось ставить палатку и складывать из камней очаг, чем большинству женщин — мечтать о переустройстве кухни. Счастьем для нее было стоять над дымным лагерным костром, печь блины и поджаривать бекон, приплясывая, чтобы прогнать утренний холод.

Готовясь к таким поездкам, мы складывали на крыше нашей машины снаряжение: пару холодильников, газовую горелку, фонари, палатки, удочки, алюминиевые кресла и мешки с древесным углем. Топоры, лопаты, термосы, приспособления для готовки и спальные мешки закреплялись там же и укрывались брезентом. Мы перевозили с собой целый айсберг из вещей. Внутренний объем машины, куда помещался весь выводок детей и две собаки, забивался в неменьшей степени. Оклахомцы из «Гроздьев гнева», если бы им довелось это увидеть, прониклись бы к нам сочувствием.

И вот мы выезжали на дороги американского Запада. Когда я говорю «дороги», я вовсе не имею в виду федеральные автомагистрали. Мои родители бежали от них, как от разбавленного бензина. Какое же может быть приключение, если ехать по большому шоссе? Это для слюнтяев! Вместо этого они выбирали самые глухие проселки, прокладывая путь через сонные городишки и посыпанные щебенкой перевалы. Знак «Осто-

* В середине XIX в. — начальный пункт главных маршрутов американских переселенцев в Калифорнию, Нью-Мексико и Орегон.

рожно, плохая дорога» обозначал одновременно «Впереди врата рая». Отец выбирал именно такой курс, подобно древнему греку, внимавшему пению сирен. Помню, однажды подобная табличка висела на цепи, протянутой между двух деревянных столбов. Отец принял это как вызов и отправил армию из своих мальчишек раскачивать один из столбов, пока его не удалось выдернуть из земли. Мы переехали цепь и поставили столб на место. Теперь впереди была не просто плохая дорога — это была *наша* дорога.

Родители выбирали для «понтиака» пути, по которым не рискнул бы проехать современный джип-внедорожник. Упавшее дерево или камень на дороге? Не проблема! Как китайские кули, мальчики семьи Маллейн пилили, рубили, применяли рычаг или просто грубую физическую силу, чтобы убрать с дороги любое препятствие.

Нельзя сказать, что в этих экскурсиях мы никогда не попадали в сложное положение. Однажды далеко в горах в южной части Нью-Мексико у нас выкипел радиатор. По слою пыли кругом было видно, что никто не проезжал здесь уже много дней, а то и недель, а может быть, и никогда. Это было задолго до сотовых телефонов, так что нельзя было позвонить и вызвать эвакуатор. Нам грозила голодная смерть экспедиции Доннера*.

Отец, специалист по ремонту самолетов, всегда возил с собой большой набор инструментов. Увы, всякий раз, когда у нас что-то ломалось, оказывалось, что нет как раз того, что нам необходимо. Очевидно, на нашем автомобиле не было мотора C-124.

В этом случае, однако, нам не помог бы никакой инструмент. Нужна была вода, а ее вокруг не было совсем. Однако моего папу ни в коей мере нельзя было упрекнуть в отсутствии изобретательности. Он приказал нам перетрясти всю машину

* Группа переселенцев во главе с Джорджем Доннером и Джеймсом Ридом отправилась в Калифорнию в мае 1846 г. и, застряв в пути из-за обильного снегопада, была вынуждена зимовать в горах Сьерра-Невады. В живых остались 48 из 87 человек.

и найти всю влагу, какая есть. На заполнение радиатора пошли пара банок кока-колы и пива. Был пущен в дело жбан с вишневым сидром, который мой старший брат купил в придорожном ларьке. На автохимию переработали и несколько апельсинов.

Тут папа увидел, как мой младший брат отходит в сторону.

— Ты куда?

— Мне надо пописать.

Вскоре мы все стояли на решетке, всматриваясь в радиатор. «Цельтесь точнее, ребята. У вас на мушке чертов японский Зеро*. Ни одной очереди мимо!»

Этого оказалось достаточно. Источая запах переполненного биотуалета, наш фургон, шипя, вкатился на заправку, и механик с перекошенной физиономией спросил, не умер ли у нас кто-нибудь под капотом.

В другой раз нашему спуску с перевала угрожал перегрев тормозных колодок. Явно вспомнив предыдущий успех с радиатором, папа послал каждого из ребят пописать на колеса, чтобы охладить их. Никто не умел использовать мочу столь изобретательно, как мой отец.

Это были чудесные времена, многое определившие в моей жизни. Я был сыном своих родителей. Я хотел знать, что там... за следующей горой, за поворотом, за ближайшим каньоном. Не было такого национального парка, памятника, змеиной фермы, метеоритного кратера, вулкана или магазина камней, где бы мы не побывали. Задние боковые стекла машины были залеплены красочными наклейками, напоминающими о наших путешествиях: стикерами из сувенирной лавки у гейзера «Старый служака» в Йеллоустоне, видами Гранд-Титона и Гранд-Каньона, Национального ледникового парка, каньона де Шей в Аризоне, пустыни Уайт-Сэндз, Долины смерти, Долины монументов, Глен-Каньона и бесчисленного множества других достопримечательностей с дорог Запада. В июле мы играли в снежки на горных перевалах Инджиниэр, Индепенденс

* Палубный истребитель Mitsubishi A6M.

и Имоджин. Мы кувыркались в песчаных дюнах и ловили рыбу в горных речках, мы покоряли окутанные облаками вершины лишь для того, чтобы увидеть, что находится за ними. Мы набирали сокровища в виде полевого шпата и пирита, кварца и окаменевшей древесины. Альбомы моей мамы полны фотографий семьи под въездными знаками разных штатов — Аризоны, Колорадо, Юты, Вайоминга, Монтаны, Невады, Калифорнии. В этих и многих других штатах мне случалось, лежа в спальном мешке, вдыхать ароматы приключений — древесного дыма и брезента палатки — и смотреть, как звезды сияют над нашей лесной колыбелью. И мне снилось самое великое приключение на свете — полет.

ГЛАВА 3

Полиомиелит

Переломным моментом в истории семьи Маллейнов стало 17 июня 1955 года, когда мы жили на авиабазе Хикам на Гавайях. Мне было тогда девять лет. Отец работал бортинженером, летая на грузовых самолетах С-97 и С-124, принадлежащих службе военно-транспортной авиации. Он вернулся из очередного полета с сильным жаром и был направлен в госпиталь имени Триплера. Диагноз — полиомиелит. Отныне мой папа, бодрый 33-летний мужчина ростом более 180 сантиметров и весом за 90 килограммов, больше не мог ходить.

Мы провели на Гавайях еще шесть месяцев, пока он восстанавливался после болезни. В первый день нового, 1956 года самолет медицинской службы ВВС перевез всю семью на авиабазу Шепард неподалеку от дома родителей моей мамы в Уичито-Фолс. Там период выздоровления продолжился.

В это время родители старались оградить нас от травмы, которую они переживали, и по большей части им это удалось. Могу припомнить лишь пару случаев, когда личный ад мое-

го отца открылся мне. Однажды он взял меня и моих братьев в поездку на машине. Новый «понтиак» был оснащен ручным управлением. Отец остановился у окна магазина, где служащий дал ему бутылку, а потом он выехал в техасскую прерию и выпил ее. До сего дня, почувствовав запах бурбона, я вспоминаю этот момент. Он рассказывал нам о Стиральной Машине Чарли и о плавании на туземном каноэ к подводной лодке, но не так, как обычно. На этот раз он плакал, рассказывая об этом. Я никогда не видел, чтобы отец плакал, и не понимал, почему его теперь так печалят эти прекрасные истории.

Наконец он выбросил бутылку в окно и поехал домой, превратив обратный путь в аттракцион. Он разгонял машину и давал по тормозам, так что мы перелетали через сиденье и глупо хихикали. Снова и снова он разгонялся и резко тормозил. Каким-то чудом мы доехали до дома бабушки целыми и невредимыми. Отец пристегнул бандажи, встал на костыли и медленно прошел по дорожке, неразборчиво распевая пьяным голосом какую-то ирландскую балладу. Он выбрасывал костыли вперед и подтягивал свои бесполезные ноги. Так метр за метром он преодолел расстояние до входа. Тут из дома вылетела бабушка и принялась бить его веником, крича, что отец напился, и проклиная его за это. Он попытался выхватить ее оружие, но промахнулся и опрокинулся на цемент. Я никогда не видел, чтобы взрослые люди так себя вели. Мы с братьями заплакали, а соседи собрались посмотреть на представление. Мама рыдала. Бабушка, убежденная трезвенница, строгая немка, уподобилась демону, восставшему из ада. Для нее не было никакого оправдания пьянству, даже если это способ справиться с полиомиелитом. Отец ругался скверными словами и пытался схватить ее, но его недееспособные ноги были мертвым якорем, и она легко уворачивалась. Веник попал по лицу и сбил с него очки. Она зашла с задней стороны, где отец был беззащитен, и добавила еще. Мама сгребла меня и братьев в охапку, чтобы мы не видели этого кошмара. Мы оставили отца на дорожке лицом вниз, ревущего, подобно ребенку, а бабушка продолжала колотить его веником.